

П.Ф. Дмитрачков
(Могилев)

О САМОУПРАВЛЕНИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ (IX – XVI вв.)

Зарождение и развитие государственности на белорусских землях (а этот процесс проходил уже в раннем средневековье) не привело к исчезновению самоуправленческих начал в решении общественных дел. Эти начала, имевшие глубокие исторические корни, не только сохранились, но и продолжали развиваться как в Древнерусском государстве, так и в Великом княжестве Литовском, в состав которого белорусские земли были включены в XIII – XIV вв.

Особенно широко было развито самоуправление в среде сельского, крестьянского населения. Его основой стали территориальные (соседские) общины. Они, по мнению многих историков, на белорусских землях сложились в пределах племенных образований уже к X – XI вв. и были одним из важнейших элементов средневекового общества, основной формой организации сельского населения [10, с. 27-35]. Объединяя непосредственных производителей-земледельцев, сельские общины выполняли не только хозяйственные, но и административные и социально-культурные функции.

Такие функции в значительной мере были сохранены и в тех княжествах, которые сформировались на белорусских землях и оказались в составе Киевской Руси. При этом сельские общины стали включаться в зарождавшуюся систему местного управления. Опорными пунктами этой системы были тогда погосты. Впервые в летописи термин «погост» упоминается в связи с походом киевской княгини Ольги на древлян и на Новгород в 40-е гг. X в., когда она «устави... погосты и дани». В это время погосты могли появиться и на белорусских землях, и в частности, в Витебском Подвиньи [6, с. 47]. Из летописной записи видно, что погосты создавались для сбора данины и осуществления административной власти и есть основания считать, что возникли они на старой общинной основе. «Пагост, – отмечает белорусский историк О.Иов, – звычайна з'яўляецца найбольш буйным паселішчам у акрузе і мог быць умацаваным альбо адкрытым. Такія скапленні паселішчаў у літаратуры называюцца "гнездамі", а тып рассялення насельніцтва – скучна-гнездавым» [3, с. 263]. Из погостов складывались и волости и на них (т.е. волостях) базировались славянские раннегосударственные структуры, центрами которых в дальнейшем стали города.

Княжеская власть опиралась на сельскую общину при решении многих государственных дел, особенно в сфере фискальной и судебной. Так, община несла ответственность перед князьями за выполнение государственных повинностей и налогов. Причем все государственные дела, возлагавшиеся на общину, решались на принципах самоуправления, которые ей были присущи изначально. В ней сохранялись и продолжали действовать свои органы управления, свой суд, круговая порука, проводились сельские сходы. Князь вмешивался во внутренние дела общины только тогда, когда поведение ее членов угрожало госу-

дарственным интересам. Так, если членом общины (зерви) был убит представитель княжеской администрации (орнищанин) княжеская власть лишала общину (согласно законам Русской Правды) права совместной выплаты виры (штрафа), но возлагала уплату огромной суммы в 80 гривен на самого убийцу [12, с. 16]. Сельские общины стремились использовать в своих интересах и церковь, а также феодальные землевладельцы.

Однако несмотря на развитие государственности и феодальных отношений сельская община как основная форма самоуправления в среде крестьянского населения продолжала функционировать и в последующий период после включения белорусских земель в состав Великого княжества Литовского (в источниках она называется «грамадой»). Сельские общины находились тогда в структуре волостей как нижней административно-территориальной единицы, а роль самих волостей еще более возросла и им приходилось заниматься многими местными делами (волостью тогда нередко называлась сама территориальная община, в таком понимании в источниках она встречается чаще чем грамада). Так, поднепровские и подвинские волости вплоть до начала XVI в. сохраняли право самостоятельной раскладки данины, в эти волости не должны были въезжать великокняжеские тиуны. Большая часть волостей не имела и великокняжеских наместников. Например, в восточных районах Беларуси волости почти до начала XVI в. возглавляли не великокняжеские наместники, а представители крестьян, избираемые из группы «старцев» и старост отдельных сел, входивших в волость [9, с. 92-93]. Могилевская волость имела даже двух старцев – «медового» и «серебряного», которым и адресовались великокняжеские послания (видимо, один из них отвечал за медовую дань, а второй за денежные поборы). В некоторых волостях наряду с избираемыми старцами назначались и великокняжеские представители. Такие явления наблюдались уже в первой половине XVI в., а в дальнейшем стали правилом. Так, в грамоте Сизигмунда I крестьянам Чечерской и Пролойской волостей от 14 июля 1547 г. содержалось предписание: «... Ино што ся дотычет... выбрания старца, то есть реч наша, господарская, а не ваша, хлопская» [5, с. 108]. Роль сельской общины подрывалась и по мере развития феодализма. Так, в центральных и западных районах Беларуси общинная организация крестьян была фактически разрушена в ходе аграрной реформы 1557 г. Но здесь опорой великокняжеской администрации стали войтовства, объединявшие несколько сел с принадлежавшими им землями. Главными должностными лицами в них были войты, назначаемые из числа крестьян и с их согласия. На востоке Беларуси позиции сельской общины были более прочными.

Глубоко проникли самоуправленческие начала и в жизнь городских поселений. Здесь они были связаны с вечевыми традициями. Практически все историки сходятся во мнении, что вече – наиболее древний орган, возникший в условиях родо-племенного строя и на его основе развивалось самоуправление как среди сельских, так и городских жителей. О вечевых собраниях в городах имеются сведения во многих древнерусских летописях. Например, только в трех летописях – Новгородской Первой, Ипатьевской и Лаврентьевской – обнаружено 250 указаний на такие собрания, из них 62 прямые и 143 косвенные [7, с. 64]. В «Повести временных лет» вече впервые упоминается под 997 г.

В числе белорусских городов, где проходили вечевые собрания, чаще всего называются Полоцк, Минск, Витебск, Логойск, Друцк, Туров, Брест. Особенно сильным было влияние веча в Полоцке, его функционирование придавало Полоцкому княжеству черты республики. Но есть и другие оценки его роли. По мнению белорусского историка Г. Штыхова, «Полоцкое вече не мела свайго развітага інстытута прадстаўнічай улады. Полоцк спыніўся на этапе суіснавання княжацкай і зародкаў рэспубліканскай улады» [11, с. 49]. Это мнение более обоснованно и соответствует реальной исторической действительности.

Городские вечевые самоуправленческие традиции сохранялись и получили дальнейшее развитие и в ВКЛ. Роль городов тогда заметно возросла и великие князья литовские стали рассматривать горожан уже в качестве особого сословия (мещан), что было зафиксировано в правовых

актах, изданных во второй половине XV в., а в дальнейшем и в Статутах. Развитию городского самоуправления тогда способствовало магдебургское право. Оно, как известно, стало распространяться на белорусских землях с конца XIV в. и постепенно было предоставлено всем городам и многим местечкам. Причем реализация магдебургского права в городах Беларуси осуществлялась с учетом местных традиций, уже накопленного опыта в сфере самоуправления, с сохранением местных норм. На это обстоятельство обратил внимание белорусский историк В. Дружыць еще в 20-е годы прошлого столетия. Его мнение разделяют и современные белорусские исследователи. «Магдебургские права, – отмечает Т. Довнар – не давала готовой формы организации городской улады, таму яна і не магла быць перанесена з нямецкіх і польскіх гарадоў, а пэўнымі сродкамі вырацоўвалася на месцы пры актыўным удзеле гарадскога насельніцтва, якое жадала прыстасаваць уладу да сваіх уласных інтарэсаў [1, с. 6].

Безусловно, было бы неверно и переоценивать роль городского самоуправления. Оно было не полным и прежде всего потому, что городские органы во многих случаях не избирались самим населением. К тому же широкими полномочиями в отношении городов пользовались войты, а они, как правило, назначались великим князем из числа крупных феодалов и давались такие должности в пожизненное и даже наследственное пользование (иногда даже за определенную денежную сумму). Не случайно некоторые историки вообще выводили войта за пределы городского самоуправления. Следует при этом иметь в виду и тот факт, что права горожан, структура и компетенция органов городского управления со временем менялись, издавались новые грамоты, устанавливались новые нормы. Согласно подсчетам З. Копысского, Гродно за период с 1496 по 1633 г. получил 40 грамот, Бресту с 1390 по 1603 г. было дано 14 грамот [4, с. 122]. Вместе с тем и сами городские органы активно отстаивали свои права, постоянно обращались к великому князю с различными просьбами, ходатайствовали о предоставлении льгот по налогам, жаловались на незаконные действия воевод, старост, замковой администрации, войтов, добивались распространения их юрисдикции на всех жителей города, ликвидации т.н. юридик.

Развитию самоуправленческих начал в городах способствовали и ремесленные цехи. Есть основания утверждать, что корпоративные организации ремесленников известны были и древнерусскому времени, но они не имели такого стройного развития и регламентации, какие приобрели цехи, оформившиеся в XV – XVI вв. в ВКЛ. Сущность цехового строя, как отмечал М. Довнар-Запольский, состояла в создании представителями ремесленных профессий особого братства – цехового братства, имевшего свою структуру, избираемую цеховую администрацию, определенные prerogatives профессионального суда и др. [2, с. 114]. Все это закреплено было в специальных статутах (уставах). В статутах был закреплён и главный принцип организации цехов – объединение всех ремесленников независимо от юрисдикции и конфессиональной принадлежности (правда, в цеховые организации христиан запрещалось входить евреям, они имели право создания собственных цеховых общностей). Следует заметить, что свои корпоративные образования имело купечество. Своеобразной формой сословной организации мещан стали также церковные братства, возникшие в XVI в., они создавались в основном по профессиональному признаку, хотя имелись и исключения.

Государственно-правовая система в ВКЛ создавала возможность развивать самоуправленческие начала и в шляхетской среде. Реализации этих начал способствовала деятельность соймиков (сеймиков), собиравшихся в воеводствах и поветах. Они являлись своеобразными сходами (собраниями) местной шляхты, давно практиковавшимися в древнерусских княжествах. С образованием ВКЛ их роль возросла, что особенно стало заметно в 60-е гг. XVI в. после возникновения Речи Посполитой, когда соймики были узаконены Статутом ВКЛ. Тем самым они превратились, с одной стороны, в структурную единицу системы представительной и законодательной власти ВКЛ, с другой – в органы местного шляхетского самоуправления. При этом шляхта стремилась к рас-

ширению круга вопросов, рассматриваемых на местных соймках. Так, именно на них избирались как депутаты-послы в вальный сойм, так и электы (кандидаты) на должности земских поветовых судей, подкомория, хоружего и др. Кроме соймиков, созываемых великим князем, практиковались и съезды (сходы), которые собирались по желанию местной шляхты. Все это позволило шляхте белорусских земель не только оказывать воздействие на государственную политику, но и полнее обеспечивать свои сословные интересы, развивать самоуправление в решении общественных дел [8].

Таким образом, самоуправленческие начала в рассматриваемый период сохранились и развивались во всех социальных структурах общества, и государственная власть использовала их возможности в своей практической деятельности. При этом она опиралась на традиции, сложившиеся формы самоуправления и определенным образом регулировала их функционирование, что находило отражение в нормативно-правовых актах. Однако проблема размежевания местного самоуправления и государственного руководства, критерии такого размежевания еще не были в полной мере разработаны и реализованы. Поэтому о местном самоуправлении как о самостоятельной автономной системе применительно и тому времени говорить не приходится.

Литература

1. Доўнар Т.І. Грамата на магдэбургскае права гораду Мінску 1499 года // Магдэбургскае права на Беларусі. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права (Мінск, 26 сакавіка 1999 г.). – Мн., 1999.
2. Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. – Мн., 1994.
3. Іоў А. Сельская абшчына і вёска // Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мн., 2000. – Т 1: Старажытная Беларусь. Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст.
4. Копыцкий З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII вв. Мн., 1975.
5. Копыцкий З.Ю. Источниковедение аграрной истории Беларуси. – Мн., 1978. См. также: Голубей В.Ф. Крыніцы па гісторыі сялянскай абшчыны (грамады) у дзяржаўных уладаннях Беларусі ў XVI – XVIII стст. // XXI век: Актуальные проблемы исторической науки. Мат-лы Межд. науч. конф., посвященной 70-летию исторического факультета БГУ. Минск, 15-16 апреля. – Мн., 2004.
6. Левко О.Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: формирование и развитие. – Мн., 2004.
7. Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: основы политического строя // Вопросы истории – 2007. – № 3.
8. Радаман А.А. Элекцыйныя соймкі Новагародскага паведа ў II палове XVI ст. // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаваннях і выкладанні. – Мн., 1999; Он же: Шляхецкія соймкі як структурная адзінка сістэмы ўлады ў Менскім павеце ў другой палове XVI ст. // Магдэбургскае права на Беларусі. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500 – годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права (Мінск, 26 сакавіка 1999 г.). – Мн., 1999.
9. Чаквін І.У. Этнаграфія беларусаў эпохі Скарыны: сямейны і грамадскі побыт, матэрыяльная і духоўная культура // Скарына і яго эпоха. – Мн., 1990.
10. Штыхаў Г.В. Абшчына і яе эвалюцыя. Пачатак працэсу становлення сялянства ў славян // Гісторыя сялянства Беларусі. – Мн., 1997. – Т. 1. – Ад старажытнасці да 1861 г. См. также: Пьянков А.П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. – Мн., 1980. – Гл. 2. – С. 53-62.
11. Штыхаў Г.В. Старажытныя дзяржавы на тэрыторыі Беларусі. – Мн., 2002.
12. Щапов Я.Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященных 70-летию академика Л.В. Черепнина. – М., 1975.